

В.С. СОЛОВЬЕВ – ПРОВОЗВЕЩНИК ПЛАТОНА В РУССКОЙ ФИЛОСОФСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Л.Я. Подвойский
(Россия, г. Астрахань)

В статье под углом восприятия и использования идей Платона рассмотрены магистерская и докторская диссертации В.С. Соловьева, а также его работа «Философия цельного знания».

Ключевые слова: Платон, В.С. Соловьев, философия, русская философия, идея, идеализм.

In the article V.S. Soloviov's master and doctoral theses and his work devoted to the philosophy of total knowledge are observed from the point of view of perception and use of Plato's ideas.

Key words: Plato, V.S. Soloviov, philosophy, Russian philosophy, idea, idealism.

В числе довольно многочисленных последователей и исследователей философии Платона в русской философской культуре Владимиру Сергеевичу Соловьеву по праву принадлежит первое место, учитывая объем и глубину его анализа платонизма. При этом никак нельзя умалять научных достоинств и достижений в этом плане таких мыслителей, как П.Д. Юркевич, С.Н. Трубецкой, С.Н. Булгаков, Н.Я. Грот, В.Ф. Эрн, С.Л. Франк, П.А. Флоренский, В.В. Зеньковский, А.Ф. Лосев и др. Кстати, именно последний усматривал «гениальную концепцию платонизма» в активе В.С. Соловьева как безусловную ценность. Один из исследователей творческого наследия А.Ф. Лосева, В.П. Троицкий, обращает внимание на то, что еще в 1920-е гг., во времена создания «Очерков античного символизма и мифологии», А.Ф. Лосев отмечал ту свежую, живую струю в платоноведении, которую внес автор «Жизненной драмы Платона». В.С. Соловьев остро почувствовал недостаточность платоновской созерцательности, платоновского умозрения идей, которая неизбежно становится источником жизненной драмы [1, с. 312–313].

Следует заметить, что специальные работы, посвященные Платону, В.С. Соловьев написал за два года до своей безвременной кончины, точнее, в 1898 г., когда и были изданы обширная статья «Платон» в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона и работа «Жизненная драма Платона». С большой долей уверенности можно утверждать, что это было сделано в связи с тем, что в последние годы жизни В.С. Соловьев задумал и приступил к осуществлению перевода на русский язык всех диалогов Платона (первый том «Творений Платона» вышел в 1899 г., второй – в 1903 г., уже после смерти переводчика). Очевидно, что работа над переводами диалогов, стремление понять мысль первого в истории мировой философии Академика и адекватно перевести и передать ее на русский язык, вполне логично вылилась в написание специальных работ о нем. Впрочем, и сам В.С. Соловьев об этом говорит в начале работы «Жизненная драма Платона» буквально следующее: «Предприняв полный русский перевод Платона, я, прежде всего, столкнулся с вопросом: в каком порядке переводить и издавать Платоновы диалоги при отсутствии порядка общепринятого?» [2, с. 236]. Этот вопрос о периодизации диалогов достаточно обстоятельно рассмотрен В.С. Соловьевым в статье «Платон».

Очевидно также и другое – платонизм, наряду с патристикой, немецкой мистикой, Шеллингом, Гегелем, славянофильством на всем протяжении философского творчества В.С. Соловьева имел для него особое значение [3, с. 973].

Обратим внимание и на такой момент. Любовь к Платону, как к мыслителю, философу, писателю, личности, возникшая в душе молодого Владимира Соловьева,

уже никогда в ней не угасала. Возникает невольная аналогия с отношением Платона к личности Сократа. Приведем несколько примеров из материалов к биографии В.С. Соловьева в его молодые годы, подготовленных С.М. Лукьяновым, характеризующих отношение русского мыслителя к великому античному мыслителю.

Первый – свидетельство С.М. Соловьева-младшего (племянника философа – Л.П.) о литературных вкусах В.С. Соловьева в молодые годы: «Из греков он интимно любил только Платона и еще Аристофана, за остроумие» [4, с. 273].

В данном контексте слово «интимный» является определяющим, подчеркивающим самое глубокое, внутреннее и глубоко личное, сокровенное отношение В.С. Соловьева к Платону.

Второй – два сообщения В.И. Герье (профессора Московского университета – Л.П.) о деятельности В.С. Соловьева на высших женских курсах, куда он был приглашен для чтения курса о Платоне. В сообщении от 3-го октября 1914 г. В.И. Герье пишет: «Соловьев объяснял диалоги Платона, причем читал в переводе и отрывки из диалогов. Не могу сказать, что более очаровывало слушательниц: древне-греческий мудрец или юный истолкователь его; думаю, что скорее последний... К сожалению, деятельность Вл. С. на курсах была непродолжительна...» [4, с. 140]. В сообщении от 5-го октября 1916 г. В.И. Герье дает более развернутую характеристику молодого философа: «В конце 1874 г., по защите Соловьевым диссертации, я получил возможность, в качестве директора высших женских курсов, пригласить Вл.С. Соловьева к чтению на них истории греческой философии... Предметом своего курса Соловьев избрал философию Платона – один час в неделю. Чтобы не стеснять его, я был только один раз на его лекции и не помню, о чем именно он тогда читал. Но я хорошо помню чарующее впечатление, которое он производил своей элегантною фигурой, красивым лицом, устремленными в даль, несколько прищуренными темными глазами, бледностью лица и немного дрожащим голосом. Он был настоящий провозвестник Платона...» [4, с. 140]. (Как красиво и точно сказано – «провозвестник Платона»! – Л.П.).

Третий пример – воспоминания Е.М. Поливановой (слушательницы высших женских курсов, в которую, кстати, В.С. Соловьев был влюблен и даже делал предложение в 1875 г., но получил отказ – Л.П.): «... всего в распоряжении Соловьева для его лекций о Платоне было, вероятно, менее 10 недель. Конечно, при одном часе в неделю за такой короткий срок многого сделать нельзя; тем не менее, это все-таки был, надо думать, небесполезный как для самого Соловьева, так и для его аудитории опыт лекционной обработки специальной философской темы. Любопытно, далее, что, отдавши Платону свои ранние философские интересы, Соловьев остановился на том же Платоне и в самые последние годы своей жизни, когда он, по его собственному признанию, «стал ощущать неодолимое влечение окунуться снова и глубже прежнего в этот вечно-свежий поток юной, впервые себя опознавшей философской мысли» [4, с. 140].

Интересно и еще одно обстоятельство – с открытием в Петербурге философского общества В.С. Соловьев выступал в нем с рядом докладов о Платоне, Протагоре, Конте, Лермонтове, Белинском [5, с. 746].

На непреходящее значение Платона для философии В.С. Соловьева решительно указывает и крупный современный исследователь платонизма Александр Иванович Абрамов (1945–2002 гг.), подчеркивающий, что платоновские идеи выполняли у него функции несущей конструкции всей философской системы. Верховным принципом идеализма Платона была идея добра или блага – творческое, божественное начало, которое, как солнце, дает миру свет и жизнь. Затем А.И. Абрамов приводит мысль С.Н. Трубецкого из статьи «Протагор Платона» о том, что Платон ставит себе впервые ту самую задачу «оправдания добра», которая послужила предметом главного труда В.С. Соловьева. А.И. Абрамов констатирует также, что платонические идеи Соловьева оказали влияние на последующую русскую религиозную философию и философию русского символизма. Особенно органично

платонизм вошел в философское творчество П.А. Флоренского и С.Л. Франка [6, с. 406].

Попытаемся кратко проанализировать некоторые работы В.С. Соловьева под углом зрения восприятия и использования им идей Платона и платонизма. Мы сознательно избрали такой подход, хорошо представляя себе при этом, что его (В.С. Соловьева) работы многократно анализировались с разных точек зрения, в том числе и с точки зрения платонизма. Свой анализ начнем, разумеется, с его магистерской диссертации «Кризис западной философии (против позитивистов)», защищенной 24 ноября 1874 г. в Петербургском университете.

По поводу этой работы В.С. Соловьева не только на защите и сразу после нее, но и впоследствии было высказано достаточно много квалифицированных мнений, дано много положительных оценок, которые мы позволим себе не повторять, поскольку они относились к ней в целом, а сосредоточимся на обозначенной нами проблеме.

Строго говоря, если подходить, что называется буквально, то в этой работе Платону внимания практически не уделяется. Так, его имя упоминается всего лишь на двух страницах, но это вовсе не означает, что Платон в ней не присутствует. Можно сказать, что Платон имплицитно присутствует даже там, где он не упоминается, причем, это имеет место быть не только у В.С. Соловьева, а практически у каждого крупного философа, даже независимо от того, принимает ли он полностью систему объективного идеализма или нет.

Совершенно очевидно, что подобно тому, как Платона считают первым классическим западным философом мирового уровня (не умаляя, конечно, мудрости и прочих достоинств ни Фалеса, ни Гераклита, ни Сократа, ни Пифагора, который, как известно, первым назвал себя философом, т.е., любителем мудрости), так же и В.С. Соловьева с полным на то основанием считают собственно первым классическим русским философом, что особенно подчеркивал в свое время Л.М. Лопатин.

Он дал В.С. Соловьеву яркую характеристику, обратив внимание на то, что тот «создал свою собственную независимую систему философии. Это случилось в России первый раз» [7, с. 153]. Появление на философском горизонте такой фигуры как В.С. Соловьев было весьма знаменательным и своевременным, поскольку «русская философская мысль в продолжение многих лет была лишена всякой самостоятельности, слабым, беспорядочным и прерывистым отражением умственных течений в Западной Европе, и русские философские писатели гораздо более были заняты вопросами о мнениях разных западных знаменитостей, о предметах философского знания, нежели вопросами о самих этих предметах» [7, с. 153]. По утверждению Л.М. Лопатина, «Соловьев начал первый писать не о чужих мнениях по вопросам философии, а об этих самых вопросах и стал их решать по существу, независимо от всяких мнений, – вследствие этого он сделался первым представителем уже не отраженной иностранной, а настоящей русской философской мысли» [7, с. 153–154].

Сравнивая русскую философию с русской изящной литературой, которая до Пушкина тоже была подражательной, Л.М. Лопатин замечает: «Я этим вовсе не хочу сказать, что Соловьеву в сознании русского народа принадлежит значение равное Пушкину; но ведь и вообще значение отвлеченной философии нельзя сравнивать со значением художественной литературы. Все же остается справедливым, что Соловьев был первым русским действительно самобытным философом, подобно тому, как Пушкин был первый русский народный поэт» [7, с. 154].

Поэтому, имея в виду утверждение В.С. Соловьева в этой работе о том, что субъект философии есть по преимуществу единичное *я* как познающее и потому философия в смысле мировоззрения есть мировоззрение *отдельных* лиц, и его вывод о том, что философия возникает только тогда, когда для отдельного мыслящего лица вера народа перестает быть его собственной верой, теряет для него значение внутреннего безотчетного убеждения, из начала жизни становится только предметом мышления, кто может помешать, а тем более, запретить нам предположить, что

«первый классический русский» философ имел в виду «первого классического философа мирового уровня»? Более того, это, на наш взгляд, становится еще более, а то и совершенно, очевидным, при прочтении продолжения мысли В.С. Соловьева и особенно вдумывании в нее, где он утверждает, что философия начинается, когда мыслящее лицо отделяет свое мышление от общей веры, противопоставляет его этой вере как *внешнему* [8, с. 7–8].

Конечно, на это предположение можно возразить, что с таким же успехом это относится, например, и к Сократу. Возразить-то можно, но все-таки следует иметь в виду, что без Платона мы вряд ли знали бы Сократа-мыслителя, Сократа-философа, а, возможно, воспринимали бы его как немного чудаковатого мудреца из народа или просто как одного из учеников и последователей софистов. Получается, что в определенном смысле и Сократ, и Платон «создали» друг друга такими, какими мы их теперь и знаем. К тому же, «идея» Платона как раз и есть некий продукт «отделенного от общей веры мышления и противопоставленного этой вере как *внешнему*»; в данном случае, идея противопоставляется «вещи» как *внешнему*. Так что, на наш взгляд, есть все основания полагать, что В.С. Соловьев, в приведенной нами мысли, имел в виду именно Платона.

В этом мнении нас утверждает и то, что, впоследствии, почти буквально повторяя эту мысль, а заодно расширяя и углубляя ее, В.С. Соловьев подчеркивает следующие моменты. Философия, коренясь в раздвоении между отдельным лицом и обществом, представляет собой начало разлада между *теорией* и *практикой*, между школой и жизнью. Дело в том, что если в теоретической области мысль философа есть дело, есть все, то «в совершенно иное положение становится философ, вступая в область практическую, если он и здесь, в вопросах жизни, захочет действовать как философ, т.е. устанавливать общие начала и нормы деятельности, идеалы общественного строя» [8, с. 132–133].

Безусловно, совершенно прав молодой философ, утверждающий далее, что «очевидно, недостаточно высказать эти принципы и идеалы; должно перевести их в действительность, без этого они не имели бы смысла: *практическая* истина, остающаяся только в теории, есть непоследовательность. А между тем, осуществить свои нравственные идеалы не во власти философа: вопросы практические суть дело личного интереса для всех, решение их зависит от общей воли, и, следовательно, здесь философ бессилен против народного большинства» [8, с. 132].

Поскольку, продолжает В.С. Соловьев далее, одно философское убеждение это слишком слабое орудие против верований народа, выразившихся в известных общественных формах, постольку «философ, если он не хочет быть мечтателем и утопистом, должен совсем отказаться от практических задач, совсем отделиться от народной веры и народной жизни и обратит свою деятельность исключительно на вопросы теоретические, иметь своим предметом существующее лишь поскольку оно познается *мыслью*, а не поскольку производится *волею*» [8, с. 133].

«Да это же все полностью о Платоне!», – воскликнет любой достаточно грамотный человек, хотя бы мало-мальски знакомый с философией Платона в целом и с его учением об идеальном государстве, в частности. И будет прав, потому что, в самом деле, достаточно вспомнить три крайне неудачные попытки Платона воплотить на острове Сицилия в жизнь свой проект идеального государства, чтобы согласиться с этим утверждением.

Теперь, что касается упоминаний имени Платона в этой работе. Их несколько – два связаны с анализом философии Шопенгауэра и Гартмана, касающегося исследования метафизических начал в их действительности, а еще одно с философией Шеллинга по поводу решения им двух видов небытия. Следует отметить, что Э. Гартману в этой работе В.С. Соловьев уделяет внимания больше, чем какому бы то ни было другому философу.

Дело, в том, что в это время еще достаточно молодой немецкий философ (он был всего на одиннадцать лет старше Владимира Соловьева), явившийся создателем «философии бессознательного» (в 1869 г. вышло его основное произведение

«Философия бессознательного»), приобрел большую популярность. Не случайно, как замечает С.М. Лукьянов, это «сочинение немецкого пессимиста, преемника Шопенгауэра, привлекло к себе внимание и Соловьева» [4, с. 173].

В данном случае важно подчеркнуть, что, несмотря на широкую популярность и, можно сказать, даже моду на Э. Гартмана и его философию, В.С. Соловьев, анализируя ее в контексте кризиса западной философии, апеллирует именно к Платону, подобно тому, как, например, ученый-химик обращается к лакмусовой бумажке для выявления качества какого-нибудь реактива (разумеется, что это наше сравнение применимо не только к Гартману, но и к другим философам, анализируя взгляды которых, В.С. Соловьев в качестве определенного эталона берет Платона). Не будет преувеличением сказать также, что Платон в качестве «лакмусовой бумажки» используется очень многими философами и по очень многим проблемам.

Посмотрим, как это делает В.С. Соловьев. Он отмечает, что: а) «у Гартмана воля *сама по себе* не имеет никакого предмета, а идея *сама по себе* не имеет никакого содержания»; б) «Гартман мыслит волю и представление *существующими* в состоянии потенции прежде их действительного бытия, он мыслит *чистую потенцию существующую саму по себе отдельно от актуальности*» [8, с. 119]. Поэтому, продолжает В.С. Соловьев, чистая возможность, т.е. сама по себе, равняется, как это признает и Гартман, чистому небытию [8, с. 120].

После этого в отношении Э. Гартмана В.С. Соловьев достаточно жестко и смело (для его возраста, во всяком случае) заявляет, что «представлять чистое небытие существующим и действующим есть полное отсутствие мысли» и, что «в оправдание этого бессмыслия Гартман, конечно, не может сослаться на Платона, признающего не сущее в известном смысле существующим; ибо Платон (вместе с Гераклитом) разумеет под этим лишь ту бесспорную истину, что всякое относительное конечное бытие равно причастно бытию и небытию» [8, с. 120]. Несомненная жесткость здесь в том, что один мыслитель обвиняется другим мыслителем в отсутствии мысли.

По поводу Шеллинга В.С. Соловьев пишет, что тот, основываясь на Платоне и Аристотеле, в своей последней системе дает большое значение различию между бытием безусловным и небытием лишь относительным, куда принадлежит потенция или возможность, которая у него есть мысль существующая в мыслящем разуме [8, с. 121].

Относительно выявления связи между учением Шопенгауэра и Платона, В.С. Соловьев просто констатирует, что «учение Шопенгауэра о вечных идеях, целиком взятое им у Платона и новоплатоников, не может быть принято во внимание, потому что Шопенгауэр нигде не объясняет удовлетворительно возможное отношение этих идей к метафизической воле, с одной стороны, и к субъективному представлению – с другой» [8, с. 167].

В незавершенной работе В.С. Соловьева «Философское начало цельного знания», изданной в 1877 г., т.е. через три года после защиты магистерской диссертации, Платон упоминается вообще один раз, но он так же имплицитно присутствует практически на всем протяжении этой работы, поскольку автор (В.С. Соловьев) выступает с позиции реалистического (рационалистического) идеализма и здесь постоянно употребляются и используются понятия «идея», «идеализм» [11].

Дело, по нашему мнению в том, что употребление понятия «идея» даже не в строго философском, а и в обыденном контексте, все равно подразумевает платоновские идеи в смысле первоначала, образца, эталона, по которому что-то должно было быть, осуществиться, реализоваться; а если этого не произошло, то идея здесь не причем, и, не будучи реализованной в этот раз, она не теряет потенциальной возможности реализоваться потом, при более благоприятном стечении обстоятельств.

В.С. Соловьев же неоднократно использует понятие «идея» и «идеализм» именно в философском контексте, таким образом, непременно имея в виду Платона. Так, рассуждая о типах философии, он ко второму типу относит такую философию, которая «отвечает также и высшим стремлениям человеческой воли и высшим

идеалам человеческого чувства, имеет, таким образом, не только теоретическое, но также нравственное и эстетическое значение, находясь во внутреннем взаимодействии со сферами творчества, хотя и отличаясь от них» [9, с. 235]. Продолжая характеристику второго типа философии, Соловьев В.С. обращает внимание на то, что для нее требуется «особенное направление воли, т.е. особенное нравственное настроение, и еще художественное чувство и смысл, сила воображения или фантазии» [9, с. 235].

Не надо быть, как говорится, семи пядей во лбу, чтобы понять, что второму типу философии в полной мере соответствует система объективного идеализма Платона. Именно второй тип философии, обозначаемый названием *идеализма*, согласно В.С. Соловьеву, имеет в виду познающий субъект как таковой, т.е. в общих и необходимых образах его познания или *идеях* (отсюда название идеализма). Эти идеи как всеобщие и необходимые, очевидно, не могут быть даны эмпирически; они доступны только априорному мышлению чистого разума; поэтому идеализм относительно способа познания есть необходимо чистый рационализм [9, с. 249]. Далее он говорит, что «понятия или идеи, образующие все существующее, не суть идеи мыслящего субъекта (он сам есть только идея) – они суть сами по себе, и все существующее есть... результат их саморазвития или, точнее, саморазвитие одного понятия» [9, с. 250].

Здесь В.С. Соловьев, рассматривая понятие «идея», не просто называет имена Канта и Гегеля, но и пользуется их терминологией. Разумеется, что даже, если бы он и не называл этих имен, то все равно каждому, имеющему дело с философией, ясно, что там, где имеют место быть выражения «априорное мышление чистого разума» – там Кант, а где – «результат саморазвития идей» – там Гегель. Констатируя это, надо при этом иметь в виду, что за обоими этими мыслителями, оперирующими понятием «идея», образно говоря, стоит, добродушно улыбаясь, Платон со своей вечной идеей.

Наконец, без упоминания имени Платона в этой работе В.С. Соловьев не мог обойтись, что называется, по определению, как только обратился к рассмотрению диалектики в качестве одного из трех основных методов философии. Давая свое общее определение диалектике, понимаемой как «такое мышление, которое из общего принципа в форме понятия выводит его конкретное содержание» [9, с. 305], он напоминает, что «диалектика как определенный вид философского мышления является впервые у элеатов, затем у Горгия» и заключает, что «Платон дал идею истинной диалектики как чистого изнутри развивающегося мышления, но не осуществил ее» [9, с. 306].

Определенная беглость и фрагментарность анализа работ В.С. Соловьева, проделанного нами, обусловлена тем, что мы ведь изначально оговорились иметь в виду лишь то, что имеет отношение к Платону в самом общем, а порой даже и в буквальном смысле, т.е. обращая внимание на упоминание имени великого античного мыслителя.

В докторской диссертации «Критика отвлеченных начал», защищенной в 1880 г. также в Петербургском университете, где он вел тогда преподавательскую деятельность, имя Платона упоминается В.С. Соловьевым один раз, но в контексте такой сильной, замечательной и, одновременно, горькой мысли, что не процитировать ее просто нельзя. С чувством нескрываемой досады и глубокого сожаления В.С. Соловьев констатирует, что часто в мнении человечества многие великие открытия человеческого ума отвергались и могут отвергаться впредь, красота величайших художественных произведений подвергается сомнению, геройство высочайших подвигов может выводиться из самых низменных побуждений, а то и отвергаться как безумие.

С еще большим сожалением и недоумением он задается, по сути дела, риторическим вопросом: «Что говорить о полуобразованных массах, если существуют ученые, для которых гениальные мысли Платона или Канта суть праздные выдумки или же просто нелепости; если существуют художники и эстетические критики, с презрением смотрящие на Шекспира и Рафаэля; если,

наконец, так много моралистов, которые в индийских и христианских сектах и мистиках видят только слепых фанатиков или даже грубых животных, то спрашивается: для чего работали лучшие умы человечества?» [10, с. 402].

В самом деле, для чего, зададимся этим же вопросом мы уже сегодня? Для чего, коль скоро ни в морально-нравственном, ни в эстетическом, ни в политическом отношении современное человечество отнюдь не стало лучше, добрее, правдивее, честнее, нравственнее, гуманнее, чем во времена Платона и Канта?!

Так что же получается, все усилия великих философов были напрасны, их мысли и идеи оказались совершенно не востребованы? Конечно же, нет. Великие философы во многом сформировали, можно сказать, матрицу духовной культуры человечества, свой значительный вклад в сокровищницу которой внес и В.С. Соловьев. Представляется, что без влияния идей, выработанных «лучшими умами человечества», в т.ч. и В.С. Соловьевым, нравственный уровень современного человечества, и так не очень высокий, был бы еще ниже. Вот в этом и есть непреходящая ценность и значимость подвижнической деятельности лучших умов человечества, достойное место среди которых занимает русский мыслитель Владимир Сергеевич Соловьев.

Список литературы

1. *Троицкий В. П.* Творческое наследие Вл. Соловьева в оценках и развитии в трудах А.Ф. Лосева / В. П. Троицкий // Минувшее и непреходящее в жизни и творчестве В.С. Соловьева : мат-лы Междунар. конф. (14–15 февраля 2003 г.). Серия «Symposium». – Выпуск 32. – СПб., 2003.
2. *Соловьев В. С.* Жизненная драма Платона / В. С. Соловьев // Смысл любви : избр. произведения / сост., вступ. ст., коммент. Н.И. Цимбаева. – М., 1991.
3. *Всемирная* энциклопедия: Философия. Мн. – М., 2001.
4. *Лукьянов С. М.* О Вл. С. Соловьеве в его молодые годы. Материалы к биографии / С. М. Лукьянов. – Петроград, 1916. – Книга первая.
5. *Философы* России XIX–XX столетий. Биографии, идеи, труды ; 3-е изд. – М., 1999.
6. *Абрамов А. И.* Платон в России / А. И. Абрамов // Русская философия. Малый энциклопедический словарь. – М., 1995.
7. *Лопатин Л. М.* Философские характеристики и речи / Л. М. Лопатин. – М., 2000.
8. *Соловьев В. С.* Кризис западной философии (против позитивистов) / В. С. Соловьев // Философское начало цельного знания. – М., 1999.
9. *Соловьев В. С.* Философское начало цельного знания / В. С. Соловьев // Философское начало цельного знания. – М., 1999.
10. *Соловьев В. С.* Критика отвлеченных начал / В. С. Соловьев // Философское начало цельного знания. – М., 1999.
11. *Карабущенко П. Л.* Философия и элитология культуры А.Ф. Лосева / П. Л. Карабущенко, Л. Я. Подвойский. – М., 2006.

К ВОПРОСУ О ФИЛОСОФСКИХ ОСНОВАНИЯХ ПОНЯТИЯ «ЭСХАТОЛОГИЧЕСКАЯ ИСТОРИОСОФИЯ»

А.П. Глазков
(Россия, г. Астрахань)

В статье через философский генезис термина «историософия» рассматривается особенность понятия «эсхатологическая историософия» как одного из варианта философии истории. Такое рассмотрение позволяет установить внутренние критерии, позволяющие отделить утопический вариант историософии от эсхатологического ее варианта. Одно из основных расхождений между ними лежит в различии понимания цели исторического процесса. Философский разбор словосочетания «эсхатологическая историософия» уточняет использование его в качестве понятия и как обозначения определенного вида историософии.

Ключевые слова: историософия, исторический процесс, философия истории, эсхатология, эсхатологическая историософия, Гегель, А. Цешковский, Ф. Шлейермахер.

In the article author examines through the genesis of the term “historiosophy” distinguishing features of concept “eschatological historiosophy”, how one of variant philosophy of history. Such